

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Одной из сложнейших и малоизученных тем отечественной историографии является всестороннее изучение древнерусского города. Каждое новое десятилетие приносит сотни исследований, отражающих многочисленные грани этого сложнейшего и еще далеко не до конца понятного социального организма. Исследователи добились выработки **общих представлений** о городах как центрах ремесла, торговли, духовной и политической жизни. Как известно, наука не останавливается на достигнутом. Научные достижения порождают новые вопросы, горизонт познания остается одинаково далеким.

1. Несмотря на огромную и целенаправленную работу **проблема дефиниции** города как особой формы организации жизни (и, соответственно, духовной и материальной культуры) раннесредневекового населения до сих пор не может считаться решенной. Город – понятие слишком сложное, многосоставное и многогранное. Сложность рассматриваемого вопроса и порождает разногласие в определении городского феномена. Исходя из разных посылок, сосредотачивая внимание на какой-то одной грани явления, исследователи определяют город то как концентрированное поселение с относительно большим числом жителей, то как административно-политический или культурно-культовый центр. Для одних исследователей важнейшим критерием города является городская стена или система городских укреплений, для других – то, что основная или значительная часть населения связана с ремеслами, промыслами и торговлей, т.е. разными формами несельскохозяйственного производства. Наконец, справедливо замечание, что город возможен только в условиях письменной культуры. Очевидно, что каждый из критериев в отдельности сам по себе недостаточен, что необходима множественность критериев для определения города.

Вполне давая себе отчет в условности и известной относительности любого определения, попробуем объединить множество существующих подходов и дать свой вариант определения. В нашем понимании, **город – это особый**

тип поселения с относительно большим количеством жителей и высокой степенью разделения труда; город выполняет центральные функции в административно-хозяйственной, военной и религиозной сферах и возможен только в условиях письменной культуры и денежного хозяйства.

2. В работах медиевистов чаще всего рассматриваются проблемы, связанные с *крупными* городскими центрами, так, как будто бы крупными, столичными городами они были изначально, с самого своего рождения. Однако нельзя забывать, что и в Киеве, и Москве городская культура начинала формироваться как провинциальная. Мать городов русских, легендарная «колыбель Руси», город Киев, по словам летописца, был первоначально просто «градок»¹. Необходимо помнить, что и в целом известная викингам Гардарика – это не просто «страна городов», а *страна городов преимущественно малых*. В связи с этим, значение интенсивного изучения провинциальных городских центров и получение полноценной характеристики духовной и материальной культуры их населения трудно переоценить: в противном случае наши представления о Древней Руси рискуют быть неадекватными, искаженными. Кроме того, изучение русской провинции поможет лучше понять жизнь больших городов, истоки и динамику развития их духовной и материальной культуры. Как отдельная княжеская волость являет собой кусочек великого княжества, его микрокопию, так и малый провинциальный город представляет своеобразную микромодель крупного города – княжеского центра².

3. Изучение проблем, отражающих духовный мир населения малого города, актуально еще и потому, что широкие серьезные обобщения на тему духовной культуры Древней Руси в целом возможны лишь при наличии широкого спектра хорошо изученных *локальных* (территориальных) ее *вариантов*. Малый город в такой ситуации выступает как центр того или иного микрорегиона, причем со своими порой специфическими культурными характеристиками, ко-

¹ Повесть временных лет // ПЛДР. XI– начало XII века. М., 1978. С. 36.

² Б.А. Рыбаковым были наглядно продемонстрированы одинаковые представления о макрокосме как в простой сельской, так и в боярско-княжеской среде

торые могут корректировать или дополнять общие представления о русском раннем средневековье.

Так изучение малых городов может дать ответы на многочисленные вопросы, связанные с так называемой «славянской» (или, как теперь уже принято говорить, «древнерусской») колонизацией обширных лесных земель, составивших территориальную основу и северо-западной Новгородской, и Владимиро-Суздальской Руси. Едва ли не основным вопросом здесь является вопрос о роли финского культурного субстрата в древнерусской культуре, на что неоднократно обращали внимание В.В. Седов, Е.А. Рябинин, Н.А. Макаров и другие. Однако заметим, что источниковой базой для этих исследователей становились преимущественно материалы древнерусских сельских могильников и, что гораздо реже, связанных с ними сельских поселений. Между тем далеко не исчерпан (да и в большей мере не задействован) источниковедческий потенциал именно малых городов, которым, как правило, предшествовали местные финские административные (военные, ремесленные, культурные) центры. Сопоставление культурных характеристик таких *«парных» центров* представляется очень перспективным. И опять-таки, при условии рассмотрения вопросов не только материальной, но и духовной культуры, преемственности и инноваций в этой сфере.

Мы глубоко убеждены, что изучение малых городов в отдельных регионах должно сопровождаться параллельным исследованием ближайшего местного дорусского центра, вероятного его предшественника, где, во всяком случае, есть возможность зафиксировать уровень развития дорусской городской (протогородской) культуры. А в итоге определить инновации и традиции и разглядеть, может быть, некую *преемственность* в многовековом развитии местных городских, или протогородских, традиций (заранее, однако, освободивших от навязчивых посылок о славянской колонизации, отсталости аборигенной культуры и наличии «сельских областей», лишенных связи с центрами ремесел, торговли и т.п.). До сих пор в выводах исследователей присутствуют отголоски

научных (и вненаучных) тенденций советского периода развития археологии, выявленных Л.С. Клейном – в данном случае стремление умалять культуру финских народов перед лицом «прогрессивных» славянских колонистов¹.

4. Рассматривая проблемы городской духовной культуры, что мы подразумеваем под словами «**малый город**»? В Древней Руси городом называлось любое поселение, имевшее искусственные оборонительные сооружения. В то же время существовало и понятие «градок мал», под чем подразумевались, видимо, отдельные небольшие крепости. Однако мы не в праве отождествлять древнее понятие с современным его определением. Нам представляется, что правильной было бы согласиться с А.В. Кузой, который под малыми понимал те города X–XIII веков, которые не являлись столицами крупнейших русских земель-княжеств². Не полагаясь на одни только упоминания в летописях, исследователь совершенно справедливо в вопросах классификации укрепленных населенных пунктов предложил опираться в первую очередь на археологические данные. Во-первых, далеко не все летописи сохранились, а во-вторых, не все малые города вообще могли попасть в поле зрения столичных летописцев. На сегодняшний день археологами уже выявлены такие малые города, которые никак невозможно увязать с каким бы то ни было упоминавшимся в летописи населенным пунктом³.

Список самых значимых древнерусских малых городов северной части рассматриваемого нами региона мы получили благодаря стараниям Д.С. Лихачева. Это список именно малых городов, которые имели наибольшее значение для летописца – современника Батыева нашествия на Русь 1237–1238 гг. Д.С. Лихачев исследовал один из вариантов «Повести о разорении Рязани Батыем» в составе Хронографа 1599 года и пришел к выводу о его восхождении к несохранившейся Костромской летописи XIII века. Особое внимание вызвала следующая фраза: «Окаянный же Батый еще воздвижесе воевати и взяша 14

¹ Клейн Л.С. Феномен советской археологии. Л., 1990.

² Куза А.В. Малые города Древней Руси. М., 1989. С. 11.

³ Никольская Т.Н. Городище Слободка. М., 1987. С. 5.

градов, и поидоша татарове к Юрьеву и к Ростову, а инии поидоша к Переславлю, и к Кашину, а инии к Ярославлю, и к Угличю, а инии на Волгу, на Кострому и на Плесо, и на Юрьевецъ, и на Городец. И вся грады поплениша по Волзе и до Галича»¹.

5. Тему «малый город Древней Руси» поднял и впервые целенаправленно начал разрабатывать историк А.В. Куза². Будучи первопроходцем, он поставил множество вопросов, но их оказалось гораздо больше, чем возможностей дать на них ответы. Чрезвычайно стесненный узостью круга письменных источников, а также откровенным недостатком источников иного рода, А.В. Куза в монографическом исследовании совершенно оправдано *не затронул* тему духовной культуры малого города и *сакральных представлений* его жителей о мире (едва ли не важнейшую из составляющих духовной культуры). Между тем на сегодняшний день применительно к рассматриваемому нами региону накоплен достаточно обширный круг новых материалов; появилась возможность рассмотреть в целом немногочисленные письменные источники по заявленной теме в комплексе с иными, изобразительными и эпиграфическими источниками, происходящими из малых городов региона.

6. Следует, правда, оговориться, что не все указанные города Волго-Клязьминского междуречья, то есть основной территории Владимиро-Суздальской Руси, изучены в равной мере. Одни из них уже привлекли внимание исследователей, другие своих исследователей еще ждут. В череде древнерусских малых городов особняком стоит город Плес Ивановской области, предоставивший **уникальную возможность для изучения всех основных составляющих структуры малого города**, что позволяет наиболее полно осветить различные стороны культуры провинциального городского населения. Основанный в XII веке на правом берегу Волги в качестве форпоста Владимиро-Суздальского княжества, *Плес* являет, как представляется, *классический образец средневекового провинциального (волостного) центра*. Сегодня он в ос-

¹ Воинские повести Древней Руси. М.; Л., 1949. С. 28.

² Куза А.В. Малые города Древней Руси.

новном сохранил раннесредневековую планировочную структуру и не имеющих аналогов по степени сохранности археологический комплекс: крепость, посад (включая торгово-вечевую площадь), городской некрополь и сакральный центр. В период с 1986 по 2003 гг. удалось провести относительно равномерное исследование всех этих составляющих. Более 60 тысяч полученных находок (единиц музейного хранения) прямо или косвенно отражают сакральные представления горожан-провинциалов. Большая часть вещественных источников не опубликована и, соответственно, еще не введена в научный оборот. Да и печатный материал опубликован по преимуществу в специализированных археологических и краеведческих изданиях и труднодоступен для массового читателя. Таким образом, необходимость сделать наработанный материал достоянием широкой общественности, представив его в сопоставлении с письменными источниками, более чем очевидна.

7. В центре исследовательского внимания оказались те материалы, которые позволяют воссоздать картину мира жителей русского провинциального города. В картине мира роль структурообразующего начала играют сакральные (от лат. «посвященное богам», «священное», «запретное», «проклятое») представления. Именно в соответствии с сакральными представлениями выстраиваются фрагменты картины мира, складывается их иерархия, задается вертикаль ценностных ориентаций¹. В жизни средневекового русского горожанина-провинциала сакральные представления играли порой определяющую роль. Вместе с тем, в подобном ракурсе они еще ни разу не становились предметом специального критического осмысления и обобщения ни в отечественной, ни в известной нам зарубежной литературе. Чтобы восполнить существующий в историографии пробел, *автор и поставил себе целью* выявить сакральные представления о мире, имея в виду тот оплот, базис, центральный стержень, который стоял в основе общей картины мира жителей малого города Плеса.

Степень изученности проблемы. Почти десять лет тому назад исследо-

¹ Забияко А.П. Сакральное // Культурология. XX век. Энциклопедия: В 2 т. СПб., 1998. Т. 2. С. 186.

вателем было замечено: «историография (в прямом смысле этого слова) малого города еще не существует. Можно говорить об «историографии» становления проблемы – проследить утверждение в средневековой историографии представления о важности ее изучения»¹. Несмотря на прошедшие с тех пор годы, мало что изменилось в отечественной науке. Большинство принципиальных вопросов, связанных, например, с духовной культурой малого города, до сих пор остаются без ответа. Еще в большей степени это относится к сакральным представлениям о мире.

Несмотря на **отсутствие специальных исследований по сакральным представлениям жителей малого города**, сам малый город нельзя считать совершенно неисследованным объектом. Только во второй половине XX века десятки специалистов прямо или косвенно касались темы культуры провинциальных центров, а многие ведущие археологи (Б.А. Рыбаков, В.В. Седов, А.Н. Кирпичников, П.Ф. Лысенко и другие) специально занимались методичными многолетними раскопками того или иного объекта такого рода. Вообще, и в этом мы полностью согласны с Л.А. Ястребицкой, «что касается урбанистики как дисциплины, то развитие ее осуществляется в нашей стране уже не одно десятилетие наиболее интенсивно в русле археологии восточнославянского средневековья»². Очевидно, что без участия археологов проблемы городской истории не могут быть решены удовлетворительно.

Временем же первого проявления интереса к малым городам мы, с некоторой натяжкой, все же можем считать *само средневековье*. Речь не должна, конечно, идти о научном интересе. Особенности мифологического мышления, необходимость знания начала своей истории заставляло летописцев обращаться к теме происхождения крупнейших городов своего отечества. Это касалось и Киева, и Ростова, и Владимира, и многих других городов русских. Достаточно вспомнить распространенную в русских летописях версию о Кие, Хориве и Щеке как о строителях города Киева. В эпоху позднего средневековья появля-

¹ Ястребицкая Л.А. Средневековая культура и город в новой исторической науке. М., 1995. С. 191.

² Там же. С. 130.

ются целые литературные сказания «о начале Москвы»¹ и «о построении града Ярославля»² как государственный и церковный заказ.

Не являясь научными исследованиями, работы средневековых авторов, между тем, имеют вполне определенную научную ценность именно в связи с вопросами духовной культуры малых городов. Средневековые авторы констатируют, например, чрезвычайную популярность в среде горожан бога Велеса (Ярославль, Ростов, Переславль, Белоозеро, Новгород) и описывают трудности на пути христианизации русского и еще не обрусевшего финского населения. Разумеется, наше отношение к такого рода произведениям должно учитывать особенности мышления того времени, что не исключает домыслы авторов если «так это должно быть» по государственному, церковному или языческому канону.

Начало научного исследования городов относится только к XIX – рубежу XX веков и связано с именами историков С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, М.П. Погодина, Д.Я. Самоквасова, С.Ф. Платонова и других. Уделяя основное внимание политической истории, В.О. Ключевский, автор известного «Курса русской истории», лишь вскользь коснулся вопросов городской духовной культуры, видя, совершенно в духе мифологического мышления, ее колыбелью Киев, а ее культуртрегерами – князей и дружину: «Перелетные птицы Русской земли, князя со своими дружинами всюду разносили семена культуры, какая росла и расцветала в средоточии земли, в Киеве»³.

Типично для своего времени рассуждал С.Ф. Платонов. Касаясь ранне-средневековой истории рассматриваемого нами региона, он отразил постепенно сложившиеся к рубежу веков и культивировавшиеся затем на протяжении практически всего XX столетия представления о волжском финском населении как

¹ Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы // ПЛДР. XVII век. Книга первая. М., 1988.

² Сказание о построении града Ярославля // Дубов И.В. «И поклоняешься идолу камню...». СПб., 1995.

³ Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1904; Он же. О русской истории М., 1993. С. 47–48, 75.

об отсталом, культурно слаборазвитом народе, без труда ассимилированном пришлыми славянами-колонизаторами. И разумеется, по мнению Платонова, до пришлых славян финские народы не имели какого-либо подобия городов и, соответственно, каких-либо признаков городской культуры¹.

По поводу путей колонизации Верхнего и Среднего Поволжья и становления городов С.Ф. Платонов привел мнения коллег (А.А. Шахматова, А.А. Спицына, А.И. Соболевского) о непрерывности потоков переселенцев «из областей кривичей и, может быть, вятичей», но сам склонялся к идее о киевской колонизации, указывая на имена верхневолжских малых городов (Переяславль, Стародуб, Галич) как на «верный признак, что население пришло с юга и занесло сюда южную номенклатуру»². В качестве доказательства прихода южной культуры он приводит «факт» появления былины южнорусского цикла «вместе с людьми, сложившими их»³.

Уже в XIX веке российская историческая наука ощутила *острую нехватку источников*. Круг древних письменных сведений не отличался большой широтой и к тому же давал возможность для слишком разнообразного их толкования, что неизбежно вызывало недоверие к выводам. Поэтому не случайно историк М.П. Погодин в своих «Разысканиях о городах и пределах древних русских княжеств» привлек археологические данные, собранные З.Д. Доленго-Ходаковским⁴. Во второй половине XIX века Д.Я. Самоквасов обследовал

¹ Традиция, к сожалению, жива и сегодня. Находки скандинавских вещей под Ярославлем зачастую дают повод исследователям прямолинейно заявлять о наличии здесь в раннем средневековье викингов-поселенцев; стеклянные браслеты, шиферные пряслица, отдельные типы височных колец, курганный обряд погребения многие считают признаками заселения массами славянских колонистов (откуда их так много?!) обширных лесных территорий финского мира. Между тем и в финских, и в славянских, и в скандинавских землях в ранне-средневековых элитных мужских поясных наборах таинственным образом появляются кочевнические вещи, а западноевропейский двулезвийный меч можно найти и в древнерусском, и в одновременном ему мордовском захоронении.

² Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. СПб., 2001. С. 118–119.

³ Там же.

⁴ Ходаковский З.Д. Разыскания касательно русской истории // Вестник Европы.

довал ряд городищ и выпустил в свет свое исследование «Древние города России», в котором он ввел городища в круг важных памятников русской древности, увязав их с историей городской жизни¹. Насущная необходимость, подогреваемая, к тому же, находками кладов, побудили его, а также Н.Ф. Беляшевского, к раскопкам Киева и городища «Княжа гора», Д. Тихомирова – к исследованию Старой Рязани, П.А. Савельева и А.С. Уварова – к локальным раскопкам Александровой горы и Сарского городища в районе Ростова². К концу XIX века по вопросу об изучении древнерусских городов все больший вес приобретают слова археологов.

Вместе с тем, приходится признать, что проводимые в XIX – начале XX века археологические исследования городов не отличались планомерностью и масштабностью, т.к. не давали сиюминутных эффектных результатов, как, например, раскопки курганов³. Несмотря на большие достижения российской археологии, большинство исследователей предпочитало работу с письменными источниками. Так В.Б. Антонович считал, что для характеристики того или иного поселения, «достаточным изучить данные письменных источников, раскопать близлежащие курганы и собрать находки на поверхности самого памятника»⁴. Целая плеяда русских историков (М.П. Погодин, Н.П. Барсов, М.С. Грушевский и другие) проводила большую работу по локализации на картах упоминаемых в раннесредневековых письменных источниках населенных пунктов, стремясь реконструировать древние государственные и волостные границы, а также летописные события. Но, как замечает А.В. Куза, для них решающее значение имели созвучия древних названий современным. Больших же успехов на

СПб., 1819. Октябрь, № 20; Он же. Путевые записки Ходаковского // ЖМНП. СПб., 1838. Часть 20, № 12; Погодин М.П. Разыскания о городах и пределах древних русских княжеств с 1054 по 1240 гг. СПб., 1848.

¹ Самоквасов Д.Я. Древние города России. СПб., 1873.

² Тихомиров Д. Исторические сведения об археологических исследованиях в Старой Рязани. М., 1884; Куза А.В. Археологическое изучение Древней Руси // Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985.

³ Уваров А.С. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1872.

⁴ Куза А.В. Археологическое изучение Древней Руси // Древняя Русь. Город,

данном поприще добились те исследователи (Д.И. Иловайский, П.В. Голубовский, Д.И. Багалеи, А.М. Андрияшев, В.Г. Ляскоронский), кто, занимаясь историей отдельных земель-княжений, шире использовал сведения о городищах и иные археологические данные¹. Не случайно 10-е годы XX века ознаменовались ростом именно археологического интереса к малым городам. Так впервые целенаправленно и широкой площадью Н.М. Репников провел раскопки «Земляного города» Старой Ладogi². В столичном Новгороде и на его «малом» спутнике Рюриковом городище работали Н.К. Рерих и Н.Е. Макаренко. Сарское городище вновь изучалось Д.Н. Эдингом. Исследования, правда, ограничивались лишь накоплением фактического материала, но накопление это шло значительными темпами и уже на более качественном уровне, что придавало получаемым вещественным источникам особый вес в глазах историков. Итогом кропотливой полевой работы стало *включение археологических сведений в монографические исследования* по истории Руси М.Н. Тихомирова, С.В. Юшкова, Б.А. Рыбакова, В.В. Мавродина, А.Н. Насонова, Л.В. Черепнина, Б.А. Романова. Тогда же вышли в свет такие фундаментальные труды, как монография Б.Д. Грекова «Киевская Русь» и коллективный труд «История культуры Древней Руси»³. При этом вопрос о духовной культуре, и тем более вопрос о сакральных представлениях о мире жителей провинциального города, не имел еще пока даже оснований для рассмотрения, поскольку во всех этих масштабных исследованиях среди новых сведений о городской культуре древней Руси *материалы из малых городов отнюдь не являлись определяющими*. Гораздо большую важность имело исследование крупных столичных центров.

Время постановки проблемы малых городов пришло позднее – во второй половине 80-х гг. Наиболее пессимистическая точка зрения на степень изучен-

замок, село. М., 1985. С. 8.

¹ Куза А.В. Малые города Древней Руси. 989. С.17.

² Репников Н.М. Раскопки в городище Старой Ладogi // Старая Ладoga. Л., 1948.

³ Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1949; История культуры Древней Руси. В 2 т. М.; Л., 1948.

ности проблемы, принадлежащая А.Л. Ястребицкой, звучала так: она «на сегодняшний день такова, что позволяет скорее осознать насущность постановки ряда вопросов, чем обеспечить их разностороннее освещение»¹. С этим отчасти можно согласиться, однако именно в это время А.В. Куза подготовил монографическое исследование как раз по малым городам, и его работа, отражающая, правда, далеко не все стороны упомянутой проблемы, отличалась **комплексным подходом** к изучению источников - иными словами, автор использовал в том числе и все современные ему археологические наработки по проблеме.

Что касается очерченного нами региона, то к указанному времени история изучения его малых городов насчитывала уже несколько десятилетий и не может здесь стать предметом подробного описания (тем более что такое описание дал А.В. Куза). Мы лишь кратко обозначим основные направления исследований, так или иначе касающихся заявленной диссертационной темы и продолжающихся в настоящее время.

Москву неоднократно исследовали М.Г. Рабинович, Н.Н. Воронин, А.Ф. Дубынин, А.Г. Векслер, Н.С. Шеляпина, Д.А. Беленькая, в результате чего «собран разнообразный вещественный материал» как на территории Кремля (домонгольский детинец), так и в посадской части эпохи раннего средневековья². В последние годы количество московских источников по культуре (в основном материальной) умножились за счет охранных раскопок в историческом центре (наиболее известные и масштабные проводились на Манежной площади)³. В результате происходит постепенное пополнение сведений и о духовной культуре древней столицы; какие-либо обобщающие работы по обозначенной нами теме пока отсутствуют.

История изучения домонгольского **Ярославля** связана с именами

¹ Ястребицкая А.Л. О специфике средневековой европейской урбанизации: малые города // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 192.

² Куза А.В. Малые города Древней Руси. С. 111–112.

³ Материалы опубликованы в многочисленных, в т.ч. и периодических, сборниках: Археологические памятники Москвы и Подмосковья // Труды МИГМ. М., 1996. Вып. 9; Московская керамика: новые данные по хронологии // МИАМ.

М.К. Каргера, П.Н. Третьякова, Н.Н. Воронина, И.В. Дубова. Последний представил наиболее подробный анализ письменных сведений о городе, рассмотрел версии о его основании и некоторые источники, связанные с духовной культурой населения (поклонение Велесу, восстание под предводительством волхвов)¹.

Кострому исследовали с конца XIX века в основном методом сбора отдельных находок вплоть до 1951 года, когда несколько небольших раскопок здесь заложила М.В. Фехнер². Систематическое изучение культурных напластований (на месте новостроек) начал в 1989 году С.И. Алексеев. Он на материалах исследований предлагает свое видение средневековой топографии города, а на основании вещевых источников подтверждает высказанное историком И.В. Миловидовым еще в конце XX века предположение, что «Кострома возникла в виде городка со смешанным славяно-мерянским населением»³.

Городец впервые был обследован А.Ф. Медведевым. В настоящее время благодаря активности археолога Т.В. Гусевой исследования приобрели систематический характер⁴. Определенную ценность из городецких домонгольских материалов представляют сведения о производстве ритуальных изделий местными ювелирами и некоторые votivные принадлежности.

Владимир в XII веке, до того как сменил Суздаль в качестве столицы, безусловно, являлся одним из малых городов региона. В настоящее время домонгольский Владимир активно исследуется М.В. Седовой, Ю.Э. Жарновым, В.И. Жарновой. Трудность в его исследовании заключается в отсутствии четко-

М., 1991. Т. 5 и др.

¹ Дубов И.В. города, величеством сияющие. Л., 1985; Он же. «И поклоняешься идолу камени...». Л., 1995.

² Фехнер М.В. Раскопки в Костроме // КСИИМК. М., 1952. Вып. 47.

³ Алексеев С.И., Комаров К.И., Леонтьев А.Е., Ошибкина С.В., Рябинин Е.А. Археология Костромского края. Кострома, 1997. С.201-206.

⁴ Медведев А.Ф. Первые раскопки Городца на Волге // КСИА. М., 1967. Вып. 110; Гусева Т.В. Итоги и перспективы археологического изучения Городца на Волге // Городецкие чтения. Городец, 1992; Она же. Историко-культурная среда и ее сохранение в малых городах России (из опыта работы в Городце) // Городецкие чтения. Городец, 1995.

го разделения вещественных источников древнейшего, еще провинциального, и уже столичного раннесредневекового Владимира. Выделенные материалы по сакральным представлениям горожан здесь пока единичны, но они представляют безусловную ценность, свидетельствуя, например, о явном присутствии в городе местного аборигенного культурного компонента (жертвоприношения, зооморфные изображения и т.п.)¹. Интересное исследование последних лет принадлежит В.И. Жарновой. Оно базируется на архитектурно-художественных источниках Владимира уже столичного периода (конец XII–начало XIII вв.), однако и эти источники в известной мере отражают, как представляется, провинциальный взгляд на сакральный мир².

Городище *Слободка* или, по мнению Т.Н. Никольской, летописный Болдыж, исследовано на общем фоне достаточно хорошо. Оно представляет собой яркую иллюстрацию вышесказанного *о решающей роли археологических источников в современном изучении средневековых малых городов в случае отсутствия прямых письменных сведений*. Многолетние исследования Т.Н. Никольской позволили воссоздать планировку города, дать характеристику хозяйства, быта, культурных связей. При этом автор умело сопоставляет археологические сведения с данными исторической географии, летописными и иного рода источниками³.

Особое место в ряду провинциальных центров, в большей или меньшей мере исследованных на сегодняшний день в Волго-Клязьминском междуречье, занимает *Ярополч Залесский*. Ведущая роль в его изучении принадлежит М.В. и В.В. Седовым¹. Степень сохранности и изученности данного малого города близка к плесской. Здесь мы видим неплохо сохранившиеся и в значительной мере изученные городище, часть посада и некрополя домонгольского времени.

¹ Седова М.В. Работы во Владимире // АО 1993 года. М., 1994. С. 92–93; Жарнов Ю.Э., Мошенина Н.Н. Исследование усадьбы древнерусского Владимира // АО 1996 года. М., 1997. С. 114–115.

² Жарнова В.И. Концепция власти в культуре Владимиро-Суздальской Руси конца XII–XIII начала вв. Автореф. Дисс... канд. Ист. Наук. Владимир, 2002.

³ Никольская Т.Н. Городище Слободка XII–XIII вв. М., 1987.

В культуре города отчетливо прослеживается финское присутствие: в составе населения были «выходцы из местных муро-мерянских племен». Местные ювелиры также, как в Плесе, изготавливали характерные для аборигенного населения вотивные предметы, христианские атрибуты использовались язычески, а при этом большое количество найденных орудий для письма свидетельствует о грамотности населения и общем высоком уровне культуры. Многие вещественные источники аналогичны плесским (крестовидные подвески, змеевик, знаки собственности и др.)². Погребальный обряд также отражает сакральные воззрения, близкие и горожанам, и селянам.

Данные изучения вышеуказанных и иных, выходящих за означенные нами географические рамки, древнерусских провинциальных центров позволили в 80-е годы XX века выделить малый город в качестве самостоятельного важного объекта исторического исследования. Пионером и исследователем, который и на сегодняшний день внес решающий вклад в изучение данной темы, по праву считается А.В. Куза³. С выхода в свет его монографии «Малые города Древней Руси» тема получила свое законченное оформление. Автор составил максимально полный список древнерусских летописных городов, среди них выделил малые как особую категорию, отсеял те укрепленные поселения, которые к указанной категории не относятся. Он проанализировал все имевшиеся в его распоряжении сведения о малых городах, представил их по каждому ранне-средневековому княжеству, дал обобщенные характеристики их экономического и социального развития, а также свое видение путей их происхождения. Подчеркивая на общем фоне источников особое значение археологических, автор сделал вывод о том, что в число важнейших показателей указанного типа поселений, как и городов вообще, должны войти «вещественные свидетельства развитого ремесленного производства и оживленных торговых связей, сложная плановая структура и устойчивая социальная микротопография поселений, мо-

¹ Седова М.В. Ярополч Залесский. М., 1978.

² Седова М.В. Там же. С.82, 115, 119.

³ Полный список всех его работ представлен при посмертной публикации моно-

нументальные каменные постройки, специфические находки городского, в том числе феодального, быта»¹.

Как уже было сказано, ни А.В. Куза, ни какой-либо другой историк на сегодняшний день не предприняли специальных исследований по сакральным представлениям жителей малых городов. Однако ряд вопросов из этой области уже нашли частичное, а порой и достаточно широкое отражение в исследованиях ученых разных специальностей.

Тема язычества и его необыкновенной живучести в русской провинции прозвучала еще в исследованиях вековой давности. Яркими примерами здесь могут служить классические труды Д.Н. Анучина и Н. Гальковского, представивших мощный пласт языческих родоплеменных пережитков в период раннего средневековья². Следует упомянуть и исследование Н.М. Никольского, впервые опубликованное в 1930 году и отразившее сложные перипетии взаимоотношений русской церкви с традиционными народными воззрениями³. Наиболее же крупными на сегодняшний день исследованиями по русскому язычеству, бесспорно, считаются работы Б.А. Рыбакова, прежде всего «Язычество Древней Руси» и «Язычество древних славян». Их автор постарался представить максимально полную (исходя из наличных источников) характеристику политеистических взглядов всех слоев древнерусского общества. Он, как представляется, с достаточной наглядностью продемонстрировал более чем скромные успехи крещения домонгольской Руси. Не касаясь отдельно малых городов, он, между тем, *соединяя археологические и письменные источники*, со всей убедительностью показал раннесредневековую русскую провинцию как практически не затронутую христианизацией, а в столичной культуре проследил основы языче-

графии «Малые города Древней Руси».

¹ Куза А.В. Малые города Древней Руси. С. 164.

² Анучин Д.Н. Сани, ладья и кони как принадлежность похоронного обряда. М., 1890; Гальковский Н. Борьба христианства с остатками язычества. Харьков, 1916. Т. 1; М., 1913. Т. 2.

³ Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1983.

ского мировоззрения даже в среде городской элиты¹.

Во второй половине минувшего столетия тема древнерусского язычества оказалась отраженной в таком количестве исследований, что привести их список было бы задачей трудноразрешимой. Поддерживая Б.А. Рыбакова или вступая с ним в спор по отдельным вопросам, практически никто не выказывал серьезных сомнений в его выводах о сохранении язычества в древнерусской провинции. Споры вызывал и вызывает в основном так называемый «славянский языческий пантеон», «православно-языческий двоеверный синкретизм», реальная степень проникновения христианства в городскую и сельскую среду². По поводу последнего В.П. Даркевич сетует на существующее в историографии «умаление роли христианства» в процессе раннесредневекового градообразования³. В то же время реальное соотношение материалов по христианству и язычеству, приводимое в других публикациях, никакого умаления не демонстрирует⁴.

Процесс христианизации в малых городах Владимиро-Суздальской Руси начинался чаще всего со строительства храмов. Вместе с тем важно отметить, что исследователи малых городов региона далеко не всегда находят в них следы христианских храмов домонгольского времени. Яркий пример – городище Слободка, где территория детинца была исследована практически полностью, но следов подобных построек не содержала⁵. Есть и прямые письменные свидетельства их отсутствия - например, в Муроме⁶. Более того, исследования по-

¹ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1988; Он же. Язычество древних славян. М., 1981.

² Клейн Л.С. Памяти языческого бога Рода // Язычество восточных славян. Л., 1990; Он же. Змей с хоботом // ПСКОВ. СПб., Псков, 1997. Т. 1; Введение христианства на Руси. М., 1987; Русское православие: вехи истории. М., 1989.

³ Даркевич В.П. К проблеме происхождения древнерусских городов. С.176.

⁴ Фроянов И.Я. Древняя Русь. М., 1995; Гордиенко Н.С. «Крещение Руси»: факты против легенд и мифов. Л., 1986; Древняя Русь: пересечение традиций. М., 1997.

⁵ Никольская Т.Н. Городище Слободка XII–XIII вв. М., 1987.

⁶ Житие Константина Муромского // Пролог. XVII век. Собрание Плесского музея-заповедника. С.217–220.

следних лет постепенно выявляют следы коллективных политеистических культовых действий¹. Сведения об обрядовой дохристианской культуре пополняются исследованиями в больших городах и в сельской местности, где встречаются как отдельные жертвоприношения, так и целые святилища².

Культовые действия, нашедшие отражение в письменных памятниках и археологических остатках, напрямую связаны с системой мифологических представлений русского и финского раннесредневекового населения. Сегодня эта тема, как представляется, только выходит на передний край науки, но она по мере ее освоения сможет объяснить многие известные явления древнерусской жизни. Наиболее полным освещением древнерусских представлений о макрокосме мы по-прежнему обязаны Б.А. Рыбакову, хотя этой же темы в своих исследованиях касались Д.С. Лихачев, В.П. Даркевич, Г.К. Вагнер, А.Л. Юрганов, А.В. Чернецов, В.В. Мильков, Н.А. Макаров, А. Голан³. Кроме этого, много отрывочных полезных сведений о сакральном мире (в том числе и по заявленной в диссертации теме) содержит вышедший недавно сборник «Древняя Русь. Быт и культура». Призванный обобщить сведения о культуре Древней Руси на очередном этапе ее изучения, он не имеет специального раздела о са-

¹ Из малых городов региона, кроме Плеса, можно назвать ранний Владимир: Седова М.В. Работы во Владимире // АО 1993 года. М., 1994. С. 92.

² Хвойка В.В. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена (по раскопкам). Киев, 1913; Седов В.В. К вопросу о жертвоприношениях в Древнем Новгороде // КСИА. М., 1957. Вып. 68. С. 20–30; Никитинский И.Ф. Тиуновское святилище // Культура Русского Севера. Вологда, 1994. С. 29–60.

³ Вагнер Г.К. О чертах космологизма в народном искусстве // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С.321–326; Лихачев Д.С. О «Слове о полку Игореве» // Лихачев Д.С. Избранные работы в 3-х т. Л., 1987. Том 3. С. 165–220; Даркевич В.П. Народная культура средневековья. М., 1988; Он же. Музыканты в искусстве Древней Руси и Боян // «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985. С. 322–342; Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998; Чернецов А.В. Древнерусская культура в мировом контексте: значение проблемы и перспективы ее изучения // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования. М., 1999. С. 7–39; Мильков В.В. Макаров Н.А. «Слово о полку Игореве» – памятник синкретической культуры переходного периода // Древняя Русь: пресечение традиций. М., 1997. С. 85–

кральном мире, а тем более о мифологических представлениях раннесредневековых горожан-провинциалов. Но в главе о костюме, например, автор (М.А. Сабурова) представляет обобщенный вид ритуального одеяния, которое, по сути дела, является прямым отражением вертикальной схемы мироздания в представлении тех же провинциалов. В главе об орнаменте А.В. Чернецов делает попытку определить его смысловое значение (касаясь зооморфных образов), апеллируя при этом к различным категориям источников. В том же методическом стиле выдержана глава Л.А. Голубевой об амулетах ¹.

Перу Л.А. Голубевой, а также Е.А. Рябина, принадлежат напрямую касающиеся темы сакрального отдельные обобщающие работы по зооморфным изделиям раннего средневековья. В русле задач атрибуции вотивных предметов (и прежде всего происходящих из древнерусской провинции), обращаясь к народным источникам, авторы отражают отдельные черты мифологической картины мира, но, естественно, не обращаются к каким-либо обобщающим её характеристикам. Особую ценность, в контексте диссертационной темы, приобретают их выводы о том, что зооморфные изделия, исполненные сакрального смысла, распространились в древнерусской среде, но при этом «несли в себе элементы финно-угорской культуры»².

В свете поднимаемых в диссертации вопросов преемственности финской и древнерусской культур особую значимость приобретают немногочисленные и явно недостаточные пока, к сожалению, исследования на тему духовного мира финнов Верхнего Поволжья – летописной мери и муромы. Специальные исследования принадлежат перу К.А. Смирнова, А.Е. Алиховой, И.В. Дубова³. По-

135.

¹ Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997.

Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров. М., 1979. САИ Е 1-59. Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X-XIV вв. М., 1981. САИ Е 1-60.

³ Смирнов К.А. Религиозные представления жителей Волго-Окского междуречья в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Проблемы археологии Евразии. М., 1991. С. 29–47; Алихова А.Е. Мордва и мурома // КСИИМК. М., 1949. Вып. XXX. С. 46–52; Дубов И.В. “И поклоняешься идолу камени...”. СПб., 1995.

следнему из перечисленных исследователей принадлежат работы именно по рассматриваемому нами региону; изучая проблему волхвов, поклонения идолам и камням, культ медведя, роль votивных предметов, автор постоянно соотносит разнородные источники, максимально расширяя таким образом их круг. Эти же вопросы частично затрагиваются и в обобщающих археологических монографиях Е.И. Горюновой и Е.А. Рябина, фиксирующих очередной этап изучения финского населения Волго-Клязьминского междуречья и также пользующихся, кроме археологических, всеми доступными письменными источниками¹.

Настоящим образцом современного всестороннего рассмотрения духовной культуры социума может служить монографическое исследование А.В. Головнева «Говорящие культуры». Базирующаяся на этнографических данных, она фиксирует хорошо сохранившиеся древние воззрения представителей финно-угров на мифологическую картину мира, времяисчисление, божественный пантеон. Заслуживает внимания и авторское видение духовной культуры, которую он понимает (применительно к древним или современным традиционным обществам) как средство «самореализации личности на языке понятий, символов, образов, выражающихся в представлениях о душе и теле, о душе и духах, о душе и Боге, в искусстве сказителей..., в деятельности шаманов...»¹. Поэтому практически все рассматриваемые нами вопросы находят параллели в упомянутом исследовании, актуальном для всего финно-угорского ареала (в том числе и для исконного волжско-финского региона).

Практическую ценность в свете рассматриваемых нами вопросов имеют и отдельные историко-этнографические исследования современных поволжских финнов, в особенности марийцев (частично заселявших в раннем средневековье и рассматриваемый нами регион). К их числу относится исследование Ю.А. Калиева о подземном мире марийской мифологии, где автор рассматривает его генезис и эволюцию. Автор пишет о сложении понимания подземного мира как

¹ Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья. // МИА. М., 1961. Вып. 94; Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб., 1997.

составляющей трехъярусной системы, как мира отражений, о его демоническом персонаже – многоголовом змее (что сразу вызывает ассоциации с змеевиками); всё это живо перекликается с материалами малого города²

Одной из научных тенденций сегодняшнего времени становится повышенный интерес к роли личности в древнем обществе, в частности, к личности служителя культа, волхва-шамана. «Первой творческой личностью», чьи усилия направлены на поддержание «необходимого уровня психического здоровья» членов общества, показал его А.М. Кузнецов³. То же отчетливо видно и в исследовании И.Я. Фроянова, который представляет волхва в перипетиях социальной и политической борьбы в Древней Руси. Волхв предстает и в качестве хранителя традиций, и в качестве общественного лидера⁴. Еще одной стороне деятельности служителей культа посвящено исследование В.П. Даркевича, который говорит об исполнителях ритуальных песен, музыкантах Древней Руси. Рассматривая образ Бояна, автор совершенно справедливо связывает его творчество с шаманским камланием, с языческой магией⁵.

И все-таки приходится констатировать, что эта во многом ключевая проблема сакральных представлений о мире жителей малого города на сегодняшний день не может считаться разрешенной. Насколько слабо она разработана, свидетельствует, например, такое, на наш взгляд, несколько одиозное, суждение одного из современных видных историков. А.В. Чернецов критикует московоцентризм средневековой «книжной эпохи» и противопоставляет «бюрократическому и книжному» тезису о Москве как о Третьем Риме «народную», по

¹ Головнев А.В. Говорящие культуры. Екатеринбург, 1995. С.22.

² Калиев Ю.А. подземный мир марийской мифологии: генезис и эволюция. // Узловые проблемы современного финно-угроведения. Йошкар-Ола, 1995. С.128-130.

³ Кузнецов А.М. Шаманизм как антропологическое явление // Личность. Культура. Общество. М., 2000. Т. II. Вып. 4. С. 48.

⁴ Фроянов И.Я. Древняя Русь. С.113 и др.; Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. С. 294; Сидоров А.С. Знахарство, колдовство и порча у народа коми. СПб., 1997. С. 25–69.

⁵ Даркевич В.П. Музыканты в искусстве Древней Руси и вещей Боян. // «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985. С.322-330.

его мнению, точку зрения. Ее он находит, как ни странно, в «Стихе о Голубиной книге» (!), где центром мира называется Палестина¹ (?!). Безусловно, демонстрация таких представлений о народной культуре просто не может не вдохновлять на исследования провинциальных древностей, в которых содержится масса примеров того, как представлялся мир русскому человеку и как могла сложиться форма того же «москвоцентризма» на основе именно традиционного народного, а не церковно-христианского, мировоззрения.

Как нам кажется, тема сакральных представлений о мире жителей раннесредневековых малых городов находится лишь в начальной стадии освещения, на что сетуют современные историки, желающие в контексте своих исследований «уделить достойное внимание культурной жизни малых провинциальных городов»².

Объектом диссертационного исследования являются сакральные представления жителей малых провинциальных городов Волго-Клязьминского междуречья и в первую очередь малого города Плеса домонгольской эпохи XII–XIII вв. **Предмет исследования** составляют специальные атрибуты волхования, принадлежности ритуальных костюмов, орнаментированные бытовые изделия, жертвенные и иные сакральные комплексы, которые характеризуют представления населения провинциальных центров об окружающем мифологическом пространстве. На фоне всех используемых в работе сведений по раннесредневековой культуре малых городов Центральной России, основным средоточием источников по теме является домонгольский город Плес, изучаемый автором в течение последних 18 лет. Рассматриваются данные о мировоззрении горожанина-провинциала, комплекс сведений о специальных культовых действиях, традиционных ритуалах и других атрибутах провинциального городского язычества. Пристальное внимание в работе уделяется материалам, связанным с раннесредневековым финским культурным наследием.

¹ Чернецов А.В. Древнерусская культура в мировом контексте. С.24-25.

² Кабанов А.Е. Исторические корни отечественной интеллигенции в эпоху русского Предвозрождения конца XIV – XV веков. Дисс... канд. ист. наук. Ивано-

Цели и задачи работы. Данное диссертационное исследование имеет целью охарактеризовать сакральные представления о мире жителей малого города Древней Руси. За основу берется город Плес – типичный малый город Древней Руси с хорошо сохранившимся элементами городской инфраструктуры. Характеристика сакральных представлений жителей домонгольского Плеса будет производиться исходя из тех параметров, которые обеспечены наработанным материалом. Достижение поставленной цели осуществляется посредством решения достаточно разнообразных задач:

- систематизация и введение в научный оборот ранее не известных материалов, отражающих духовный мир жителей малого города Плеса;
- анализ мифологических воззрений горожанина-провинциала, реконструкция представляемой им модели макрокосма;
- изучение культа Велеса в домонгольском малом городе;
- характеристика редкого сакрального комплекса – языческого святилища раннесредневекового Плеса;
- сбор и анализ сведений по проблеме волхвов, их роли в жизни горожан, и в особенности горожан-провинциалов;
- сложение максимально объективного представления о традициях и инновациях в духовной жизни горожан-провинциалов в связи с возникновением городских русских форпостов в волжско-финском автохтонном регионе.

Хронологические рамки диссертационного исследования охватывают период с XII до начала XIII веков. Конечная дата определяется достаточно точно, это февраль 1238 года, который был отмечен разорением всех малых городов Волго-Клязьминского междуречья в ходе ордынского нашествия. Базовым отрезком XII века может рассматриваться его вторая половина, отмеченная общим подъемом городов на Руси и возникновением новых малых городов, в том числе, по некоторым данным, и Плеса.

В настоящее время диссертант изучает возможность отнесения к Плесу более древней даты: 1140 (1141) год, поскольку под этим годом одноименный

географический пункт упоминается в Новгородской первой летописи¹. Совокупность плесских археологические материалы это допускает, хотя большая их часть относится как минимум ко второй половине XII столетия.

Территориальными рамками исследования является Волго-Клязьминское междуречье, куда входит и базовый в предпринимаемом исследовании г. Плес, и ряд других малых городов, в раннем средневековье маркировавших основную территорию Владимиро-Суздальской Руси. Однако, разбирая вопросы сакральных представлений жителей малых городов очерченной территории, автор привлекает также материалы формально выходящих за указанные пределы городов Москвы и Белоозера. Это считается вполне приемлемым, поскольку оба эти центра накануне ордынского нашествия имели прямое отношение к культуре Владимирской Руси.

Решение проблем этнокультурных связей неминуемо заставляет диссертанта обращаться к материалам близлежащих финских земель, непосредственно примыкавших к Волго-Клязьминскому междуречью с востока и северо-востока. Широкий, а в некоторых случаях даже трансконтинентальный культурный фон, позволяет точнее атрибутировать отдельные предметы и следы сакральных действий, происходящие из поволжского малого города.

Источниковая база исследования. Изучение сакральных представлений жителей малого города требует привлечения разнообразных источников: письменных, вещественных, изобразительных, эпиграфических.

Среди привлекаемых в диссертации письменных источников традиционно основными по разделу раннего средневековья являются *летописи*. Как уже не раз было отмечено исследователями, при всех очевидных достоинствах этого круга источников их существенным недостатком является официальность, обращение в первую очередь к событиям государственной важности. А потому малые города относительно редко становились объектом внимания летописцев. Это происходило, как правило, лишь в случае попадания их в сферу «большой»

¹ Новгородская первая летопись младшего извода //Русские летописи. Рязань, 2001. С. 211.

политики, общерусских, территориально широких событий, или, что случалось реже, в связи с какими-то неординарными событиями в них самих. Специфика разбираемых вопросов, однако, позволяет исследователю находить в погодных записях какие-то небольшие, но важные сведения или акценты, приобретающие особую ценность на общем фоне разнородных источников. Некоторые сведения из летописей, в контексте разбираемых вопросов, позволяют находить свое прочтение. Наконец, диссертант не может упустить ценности самой подачи летописных материалов их авторами, поскольку эта подача порой представляет яркое отражение особенностей мышления человека Древней Руси.

В диссертации использованы летописи, территориально связанные с обозначенным регионом и в наибольшей мере отражающие вопросы духовной культуры: Лаврентьевская летопись («Повесть временных лет»), Владимирский летописец, Новгородская первая летопись младшего извода, Новгородская пятая и Устюжская летопись.

Не меньший интерес представляют *средневековые авторские произведения*. «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, «Моление Даниила заточника», «Слово о полку Игореве», «Поучение Владимира Мономаха» и другие классические произведения русского средневековья таят в себе огромный неиспользованный потенциал, который удивительным образом обнаруживается при проекции его на провинциальную культуру. Далекое не все из тех, что используются диссертантом, написаны непосредственно в раннесредневековый период. К более позднему времени относятся привлекаемые автором «Задонщина», «Повесть о водворении христианства в Ростове», «Сказание о построении града Ярославля», «Домострой» протопопа Сильвестра, послания царя Алексея Михайловича. В них, так или иначе, отразились мифологические воззрения русского народа эпохи средневековья. Этого же можно сказать и о привлекаемых в работе средневековых законодательных актах и памятниках деловой письменности. Из массового материала привлекаются поучения священников, в которых содержится критика населения и даже священников за приверженность язычеству, дается описание конкретных «греховных проявле-

ний», то есть содержатся материалы по традиционному язычеству и языческим представлениям о мире.

В свете рассмотрения сакральных представлений о мире определенный интерес представляют *жития святых*: Сергия Радонежского, Тихона Луховского, Леонтия Ростовского, Константина Муромского. При всей официально-сти и отсутствии исторической точности жития, в конечном итоге, направлены против традиционного языческого политеизма, а потому *volens nolens* отражают сакральные представления о мире.

Тема сакральных представлений жителей малого города русского средневековья находит отражение и в *фольклорном материале*: в эпических произведениях, заговорах, сказках. Помимо традиционных собраний русских былин (включая сборник Кирши Данилова), диссертант находит целесообразным обратиться к финскому эпосу «Калевала», имеющему большое количество параллелей в поволжских, исконно финских землях. Некоторые мифоэпические параллели заставляют также не оставлять без внимания скандинавский и другие европейские эпосы. Здесь же необходимо отметить и трудность использования фольклорных материалов, связанную с отсутствием у них, как правило, хронологической и географической привязки.

Наконец, отдельные составляющие сакральных представлений средневекового малого города нашли отражение в письменных *этнографических источниках* по региону. Наряду с авторским собранием таковых (по Плесу и Ивановской области) используются опубликованные собрания В.И. Смирнова, И.П. Сахарова, Я.П. Гарелина.

Заявленная нами тема исследуется **на стыке различных дисциплин с применением разнообразных источников и научных методик**. Особое внимание уделяется комплексному методу, при котором с разного вида источниками сочетаются в первую очередь *вещественные*. Автору хотелось бы избежать обвинения в профессиональном пристрастии к таковым, однако было бы нелепым не использовать ту достаточно солидную и во многом уникальную местную источниковую базу, которую предоставили материалы достаточно интен-

сивных исследований, проведенным и самим автором, и археологами разных поколений в тематически ключевом для нас малом городе Плесе и в непосредственной близости от него.

Значительный археологический материал получен в результате проводимых диссертантом *многолетних раскопок в самом г. Плесе* и в его окрестностях. В Плесе раскопки велись на территории крепости, городского посада и городского некрополя.

На территории *плесской крепости* изучены остатки защитных сооружений и жилищ домонгольского времени. Здесь же, в центре цитадели, прослежено дохристианское городское святилище XII – начала XIII веков, посвященное Нижнему миру, с несколькими комплексами сакральных действий. На территории *домонгольского посада* объектом многолетних исследований стала обширная часть улицы, заселенной накануне ордынского разорения 1238 года семьями ремесленников-ювелиров. Культурные остатки, включая жилые и хозяйственные постройки, мастерские и отдельные ритуальные объекты, изучены в 6 усадьбах. Особую научную ценность улице ювелиров придает то, что после разорения она заново не застраивалась и накопила, таким образом, «чистый» комплекс источников по духовной культуре за 20–30 лет жизни провинциального города. На раннесредневековом *некрополе Плеса* изучено 76 погребений горожан XII – начала XIII веков. Курганно-грунтовый могильник стал важным источником сведений по обрядовой практике и мифологической картине мира, он позволил проследить некоторые этнокультурные изменения, произошедшие от момента основания города владими́ро-суздальскими колонистами до их практически полного растворения в местной финской среде. Существенным дополнением служат материалы чуть более позднего могильника, функционировавшего в течение первых лет после ордынского нашествия непосредственно на территории крепости (он частично исследован автором), а также материалы двух сельских кладбищ на территории современного Плеса и другие близлежащие к домонгольскому городу хронологически синхронные сельские некрополи.

Сопоставление плесского материала с близкими аналогами позволит воссоздать максимально объективную картину сложения местного варианта провинциальной городской культуры. С этой целью автором был обследован Алабужский городок (Пеньковское городище) – ближайший к Плесу дорусский протогородской центр местного финского населения. За 9 лет ежегодных раскопок памятник был исследован практически полностью. Полученные сведения характеризуют, в частности, духовную жизнь поселения от момента основания (IV век до н.э.) до смены его русским форпостом – Плесом (XII век). Они предоставляют возможность судить о степени влияния протогородской финской на местную городскую русскую провинциальную культуру. Во многом уникальные (и в основном не опубликованные) алабужские материалы требуют отдельного рассмотрения, а в настоящем исследовании используются диссертантом лишь в заявленном контексте.

Помимо того археологического материала, который был лично наработан диссертантом в результате непосредственно проводимых им раскопок, привлекаются и региональные наработки других исследователей. В конце XIX в. масштабные исследования курганных погребений в окрестностях Плеса произвел Ф.Д. Нефедов. Вскрыв в целом 548 курганов, он опубликовал собранные материалы и дневник работ. Курганы стали основной источниковой базой для исследования Д.Н. Анучина по анализу местного погребального обряда¹. В дальнейшем, уже в советское время, небольшие археологические разведки в 10–15 км от Плеса проводила Л.А. Евтюхова совместно с О.А. Кривцовой-Граковой, но материалы остались неопубликованными². К концу XX столетия по материалам локальных раскопок поволжских курганов (от Плеса до Кинешмы) было опубликовано несколько статей в периодическом издании «Археологические

¹ Нефедов Ф.Д. Раскопки курганов в Костромской губернии, проведенные летом 1895 и 1896 гг. // МАВГР. М., 1899. Т. III; Анучин Д.Н. О культуре Костромских курганов и особенно о находимых в них украшениях и религиозных символах // Там же. С. 237–259.

² Евтюхова Л.А. Результаты раскопок курганов около д. Пеньки, в 8 км от г. Плеса на Волге. Отчет о работе археологической экспедиции за 1929 год в Ива-

памятники Волго-Клязьминского междуречья»¹.

Добротный, на современном методическом уровне выполненный анализ сельских курганных материалов региона принадлежит перу Е.А. Рябинина². Автор подробно рассмотрел особенности погребального обряда выделенного им «Колдомо-Сунжинского курганного региона», увидев в нем наибольшую в Костромском Поволжье сохранность архаичных черт волжско-финской культуры. Он реконструировал погребальные сооружения, представил описание основных ритуальных принадлежностей костюма и объяснение ряда ритуальных действий. Выводы автора «об идеологических представлениях средневековых обитателей Поволжья» содержат утверждение, что «о прямом воздействии христианской религии на основную часть рассмотренных представителей населения курганной эпохи говорить не приходится»³. В контексте нашего исследования особую важность приобрело и следующее заключение Е.А. Рябинина: многие вопросы истории и культуры региона «могут быть раскрыты лишь в результате раскопок сельских поселений и *городских центров* Костромского Поволжья»⁴. Именно с *городским центром, не известным ему*, он связывал производство и распространение ритуальных изделий, находимых в сельских памятниках Плесско-Кинешемского Поволжья; Е.А. Рябинин приветствовал последовавшее вскоре за выпуском его монографии открытие этого центра - домонгольского Плеса, справедливо видя перспективу соединения городских и сельских источников для характеристики в том числе и духовной провинциальной культуры¹

Объективное представление о духовной жизни городской раннесредневе-

ново-Вознесенской губернии // Архив ИГОИРМ, 07-3/1.

¹ Костылева Е.Л. Курганный могильник «Пустошь Петрушино» близ д. Пеньки на р. Волге // АПВКМ. Иваново, 1989. Вып. 1; Уткин А.В., Ерофеева Е.Н. Курганный могильник близ д. Рыжково на р. Кинешемке // Там же; Ерофеева Е.Н., Уткин А.В. Курганный могильник «Курчинский овраг» близ д. Кученево на р. Сунже // Там же. С. 14–25.

² Рябинин Е.А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л., 1986.

³ Там же. С. 123.

⁴ Там же. С. 129.

ковой провинции Волго-Клязьминского междуречья было бы практически невозможно без вещественных и иных материалов, полученных при *исследованиях других раннесредневековых малых городов региона*: Ярославля, Костромы, Городца, Нижнего Новгорода, Мстиславля, Ярополча, Гороховца, Углича, Москвы. Степень их изученности представлена выше. Как и во всех других случаях, из массы полученных исследователями материалов привлекаются лишь те, которые прямо или косвенно затрагивают представления горожан о сакральном мире. Таковые, к сожалению, не отличаются на сегодняшний день изобилием. Тем не менее, в отдельных случаях они в совокупности могут серьезно дополнить или скорректировать сведения по тому или иному аспекту исследования².

Не меньшую важность приобретают и *источники из столичных центров*. Речь в первую очередь идет о Суздале и Владимире, политическая активность которых как раз и явилась причиной возникновения провинциальных центров княжества. Сравнительная характеристика первых и последних позволяет выделить черты, которые, во-первых, отличают провинциальную духовную культуру от столичной, а во-вторых, характеризуют отдельные, региональные ее варианты, во многом зависящие от местной этнокультурной подосновы.

К *изобразительным* источникам по теме относятся летописные миниатюры (прежде всего связанные с волхвами), архитектурный декор, рисунки на стенах храмов и на отдельных предметах. В малых городах последнее преобладает. Что же касается Плеса, то на сегодняшний день он представил *уникальное собрание* - целую серию рисунков, исполненных сакрального смысла и становящихся базовыми для рассмотрения многих проблем, затронутых в предлагаемой диссертации.

Круг *эпиграфических* источников по рассматриваемой теме относительно невелик, однако его расширение наблюдается с каждым годом полевых ис-

¹ Из личных бесед и переписки с Е.А. Рябининым.

² Напр., данные по погребальному обряду из Ярополча Залеского и Москвы в соединении с материалами плесского некрополя.

следований. Прежде всего речь идет о тех коротких (как правило) записях, которые сохраняются на различных материалах и предметах, пролежавших несколько столетий в земле на территории малых городов региона. В отдельных случаях важно даже не их содержание, и сам факт наличия - в особенности если речь идет не о кириллических записях.

Теоретико-методологической основой (базой) диссертационного исследования являются принципы *объективности* и *историзма*. Особенности источниковедческой базы заставляют уделить особое внимание методу *комплексного подхода*, к которому сегодня все больше обращаются и другие исследователи русских городов, имея на руках как археологические, так и разнообразные письменные и иного рода сведения. По словам современного историка А.Б. Мазурова, «современные гуманитарные исследования имеют устойчивую тенденцию к интеграции исторических дисциплин, что прекрасно продемонстрировано в ряде конкретных работ В.Л. Янина, его учеников и ученых, близких к ним по направлению»¹. Эту же идею комплексного источниковедения демонстрирует омский коллектив исследователей, сложившийся в середине 90-х годов XX века и поставивший перед собой цель развивать этноархеологическое направление в отечественной науке. Идея тесной интеграции археологических и этнографических исследований уже объединила ученых и научные школы не только на российском, но и на международном уровне, в чем автор диссертации убедился лично, приняв участие в одном из ежегодных семинаров по данному направлению².

Вместе с тем, диссертант не отказывается в своем исследовании и от *ретроспективного метода*. Это обуславливается особенностями изучаемых вопросов, в частности, значительным консерватизмом народной культуры, сохранением на протяжении многих веков мифологического мышления и т.п. В работе нашли применение также *методы конкретно-исторического анализа*, си-

¹ Мазуров А.Б. Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI вв. М., 2001. С. 17.

² Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, СПб.,

стемного анализа, приемы исторического, конкретно-эмпирического описания, периодизации, статистической обработки.

Научная новизна исследования определяется уже самой постановкой вопроса о характеристике духовной культуры раннесредневекового малого города. В исследовании впервые анализируются тематические материалы всех основных частей одного малого города: крепость, посад, некрополь, городской сакральный центр. Благодаря этому представилась возможность рассмотреть вопросы духовной культуры жителей одной улицы провинциального домонгольского посада, сопоставить духовную жизнь посадских ремесленников и обитателей крепости – провинциальной элиты, выявить спектр представлений горожан-провинциалов о мифологической картине мира, частично реконструировать обряды на единственном известном сегодня в регионе городском раннесредневековом дохристианском святилище. В диссертации вводятся в научный оборот новые данные по проблеме, собранные автором за годы комплексных исследований малого города Плеса. В совокупности с материалами других малых городов региона, они дают основания для *первой попытки* презентации основных сакральных представлений горожан-провинциалов указанного региона.

Опираясь в первую очередь на выявленный комплекс источников, автор, как представляется, впервые получил возможность обратиться к теме культа Нижнего мира в провинциальном городе, а также представить портрет провинциального городского волхва.

Плес дал редкую возможность исследовать идеально сохранившийся домонгольский некрополь малого города и, как следствие, реконструировать погребальный обряд и произвести опыт реконструкции местного костюма. Эта работа вышла за рамки предлагаемой диссертации, однако нашла частичное в ней отражение, дополняя характеристику местных сакральных представлений.

Впервые, как представляется, нами предпринята попытка целевого тематического параллельного исследования местного протогородского центра фин-

ского населения и пришедшего ему на смену русского форпоста, малого города Плеса. И как следствие, в диссертации появилась возможность постоянного сопоставления полученных материалов, что дало более прочные основания для выводов о путях сложения и особенностях духовной культуры малого города.

Теоретическое и практическое значение. Работой создается прецедент специального рассмотрения сакральных представлений о мире жителей отдельного малого города или региона. Это позволяет несколько расширить представление о жизни провинциального общества в канун ордынского нашествия, вновь обратить внимание на проблему древнерусской колонизации и поставить под вопрос обоснованность тезиса об ассимиляции местного финского населения пришлым «славянским». В связи с рассмотрением феномена древнерусского провинциального волхва диссертация, как представляется, может оказать некоторое влияние на поиски истоков формирования русской интеллигенции.

Работа призвана заполнить пробелы в истории края, где в целом ранне-средневековый период отражен достаточно слабо и несколько тенденциозно. Она может найти отражение в учебном процессе, в частности, в освещении проблемы истории религий, что приобретает особую актуальность на фоне активных попыток православной церкви внедриться в школьный учебно-воспитательный процесс и в целом в организацию общественной жизни.

На основе исследований автора диссертации и собранной коллекции археологических источников в Плесском музее-заповеднике создана музейная экспозиция «Средневековый Плес» и Музей-усадьба средневекового ремесленника, проведена выставка по истории и культуре древнего Плеса, разработана тематическая экскурсия по Плесскому заповеднику и внесены корректировки в современные туристические справочники.

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав и заключения.

Первая глава посвящена непосредственно мифологическим представлениям жителей малого города. Вводя в научный оборот новые материалы по раннесредневековому Плесу, автор выявляет отразившиеся в них варианты

макрокосмических построений и делает попытку расшифровки отдельных символов.

Во второй главе приводятся и анализируются материалы, связанные с почитанием горожанами-политеистами Нижнего мира. Дается характеристика ранее не известного сакрального комплекса – языческого святилища малого города.

В третьей главе на основе разнородных источников автором предпринимается попытка составить представление о волхвах малого города Древней Руси, причем не только о его внешнем облике и атрибутах, но и о функциях, общественной значимости, о роли волхвов в жизни простолюдинов-горожан и провинциальной элиты, о влиянии волхвов на процесс христианизации.

Апробация результатов исследования. По теме диссертации и по смежным проблемам, так или иначе касающимся сакральных представлений жителей раннесредневекового малого города древней Руси, автором опубликовано 8 статей и тезисов (общим объемом 1,5 п.л.); издана монография по раннесредневековому костюму Ивановского края (5,6 п.л.).

Материалы работы и сама диссертация обсуждались на кафедре истории и культуры России Ивановского государственного университета. Основные ее положения апробированы на VI Международном конгрессе славянской археологии, на ряде международных, всероссийских и региональных конференций в Москве, Санкт-Петербурге, Новгороде, Пскове, Нижнем Новгороде, Йошкар-Оле, Саратове, Твери, Ярославле, Костроме, Иванове, Муроме, Городце, Плесе, Шуе, а также при чтении кратких факультативных курсов в высшей школе.